

ВЕЛИКИЙ НАУКОВИЙ ПРОЕКТ

Игорь ГАРИН

ЗАКАТ
ХРИСТИАНСТВА
И ТОРЖЕСТВО
ХРИСТА

Харьков
«ФОЛИО»
2021

ВВЕДЕНИЕ

Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?

Лука, 18:8

Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие.

Матф., 7:23–24

В этой книге не ставится цель умалить христианство, потому что я считаю Иисуса Христа величайшим из когда-либо живших людей, а его учение — грандиозной религией любви, оказавшей неизгладимое воздействие на человеческую культуру. На драматических виражах истории христианство было средоточием и символом духа многих наций, и жертвенная верность христианскому выбору позволяла народам сохранить национальную идентичность и независимость. Духовные силы христианства — любовь, мироутверждение, обетование спасения, прощение, благоговейное отношение к миру, порыв к небу. Подлинное христианство есть освящение мира, доверие к бытию, целостное его принятие, осознание правильности божественного мироустройства. Христианская этика — так, как она преподана Иисусом Христом, — бесспорно возвышалась над обветшавшими нравственными нормами языческого общества, погрязшего в материализме и фетишизме.

В лоне христианства вызревало новое сознание, крепилась высокая духовность, зрели неповторимая культура, искусство, гуманистическая традиция. Достаточно сказать, что только в текстах Уильяма Шекспира насчитывается более 1300 (!) библейских цитат. В христианских странах повсеместно открывались новые величественные соборы, университеты, создавалась европейская наука, а величайшие христианские мыслители оплодотворяли человеческую мысль идеями Христа, на два тысячелетия упредившими эволюцию человеческих помыслов и чувств.

Для меня христианство — религия спасения человека от его земного ничтожества, от трагического бессилия животного бытия. В Иисусе впервые зажигается сознание глубинной связи между Богом и человеком. Это уже вполне сознание родственной близости Бога, возможности освобождения человека от тварной природы и обретения им способности стать «чадом Божиим», реализовать свой глубочайший божественный потенциал. В христианском сознании впервые синтезируются и гармонизируются моменты трансцендентности и имманентности в отношениях между Богом и человеком: «Человек может и должен “обожиться” — внутренне приобщиться божественному началу и проникнуться им, как единственно подлинной, глубочайшей основой своего существа. Но это божественное начало человека может стать основой человеческого бытия лишь при условии всего напряжения духа человеческого».

Ветхозаветную идею ничтожества и бессилия индивидуального человека пред ликом Божиим христианство обогатило возможностью Царства Божия — пронизанностью человеческой души Божественной эманацией. Отсюда идеи величия и спасения человека через его *богочеловечность*, принадлежность партии Христа. В евангельских текстах и апокрифах мы обнаруживаем развитие идеи о внутреннем родстве и связи между человеком и Богом. Апостол Павел в афинской речи со ссылкой на изречение античного поэта говорит: «Его же рода мы есмь»¹.

Величайшее последствие откровения Иисуса: человек выходит из встречи с Богом преображенным, просветленным. Теперь он един с миром и полностью принимает его. «Откровение есть процесс, тесно связывающий того, кто познает, с Тем, Кто ему раскрывается».

Мистический опыт первых христиан связан с переживанием реального присутствия некоего Высшего Начала, которое направляет и делает осмысленным как существование Вселенной, так и их собственное существование. Это ощущение часто давалось в акте непосредственного «видения», исполненного такой же внутренней достоверности, какую имеет видение собственного «Я». Но этот же опыт давал нечто большее — откровение, величайшим последствием которого было то, что человек выходит из Встречи преображенным, просветленным.

В связи со сказанным должен развить важную мысль: обожествление Иисуса Христа, как это ни покажется парадоксальным, унижает человека: во-первых, такое обожествление подразумевает, что уровень нового сознания Иисуса недостижим для других людей как существ небо-

¹ Деяния святых Апостолов, 17:28; цитата из поэмы Арата Солойского «Файнома» (III в. до н. э.).

жественных; во-вторых, Бог, так или иначе обитающий в душе каждого и доступный каждому, подменяется неопределенной и недостижимой абстракцией, а земной и человеческий Иисус становится существом более небесным, чем земным; в-третьих, Иисус, хотя и того церковники или нет, входит в сонм других и далеко не лучших «земных богов» — фараонов, завоевателей мира, диктаторов и самозванцев.

Моя дочь постоянно учит меня позитивному и продуктивному мышлению, чуждому нагнетанию страстей и разгулу человеческого эго, — ведь даже христианский апокалипсис служил установлению Царства Божьего на земле, а смерть Иисуса Христа — его воскрешению в каждом из нас. По этой причине говорить об упадке или закате христианства можно только в свете надежды на его возрождение. Как говорил отец Александр Мень, даже похороненное, христианство будет постоянно воскресать, как и Иисус Христос.

Критика, сколь бы суровой она ни была, должна исходить из любви к критикуемому, из стремления улучшить, а не унижить, возвысить, а не опустить. Даже боль и зло присутствуют в мире для укрепления жизни, даже эволюция — со всеми ее возвратами и зигзагами — есть не что иное, как восхождение от земли к небесам. Поэтому главным акцентом здесь должен стать не закат, а торжество, не упадок, а рост.

В этой книге речь будет идти даже не о христианстве как таковом, а об упадке институализированной христианской церкви, не видеть который сегодня могут только слепые. У меня нет намерения усугублять этот упадок — тем более что я вижу свою цель не в споспешествовании закату, но в предотвращении такового. Хотя нынешняя тенденция развития церкви действительно ведет к ускоряющейся деградации, она не является неотвратимой — тем более что огромная стабильность церкви как института культуры делает резерв самосохранения почти неисчислимым. Моя цель — исключительно позитивная: способствовать сохранению величайшего института культуры через его очередную реформу, обновление, устранение многочисленных исторических ошибок.

Ведь основным, нормальным, естественным, продуктивным принципом развития духовности, знания, веры, религии, культуры, социума, всех созданных человечеством институтов является постоянное обновление, изменение характера и типа мышления, конкуренция идей, свобода самовыражения и выбора перспектив. Единственное, что в этом мире стабильно, — это его вечное обновление. Торжество христианства невозможно без борьбы с лжехристианством внутри каждого христианина.

Но что есть лжехристианство? Это отнюдь не еретичество или инаковерие! Лжехристианство — это внутренняя беспощадность, неистовость, фанатизм. Косные христианские ортодоксы не сознают даже того, что величайшие христианские мыслители масштаба Василия Великого учили не уничтожать язычество, но обучать юношество на сочинениях великих язычников, ибо это не просто величайшая культура, но и глубочайшее выражение человеческой психологии, порождение человеческой психики, искусство волхования и взаимодействия с таинственными силами и чудесами бытия. Бороться с тысячелетним язычеством, с ересью, с иными видами духовности, искоренять *иные миры* — это автоматически означает бороться с человеком, с миром, с вездесущим и всепроникающим Богом. Казалось бы, так просто, а ведь до сих пор не понимают!.. Не понимают, потому что — «истинно верующие», «несгибаемые», «всегда и во всем правые» — жуткое и опасное племя, из века в век рождающее дьявольскую неистовость и террор.

Вот почему, говоря в этой книге о закате христианства, я буду иметь в виду не учение Христа, а его извращения многими христианскими церквами. Подлинное христианство — это сказанное самим Христом и донесенное до нас Павлом, и именно это я буду называть торжеством, еще одной попыткой Реформации и возвращение к перовистикам.

Мир — это движение, изменение, творческая эволюция. Всё, что этому сопротивляется, отмирает, исчезает. Царство Божие у Иисуса Христа символизируется ростом, его любимые притчи — о растущем семени. Основная идея евангелий — идея роста и становления. Бог в Библии говорит человеку: «Да, Я слышу тебя. Но Я тебе говорю еще, что впереди у тебя бесконечная цель, ты еще не достиг того, что Я хочу тебе дать». Согласно Писанию, многообразна Премудрость Божия, тем более — пути человеческие, должны быть многообразны и плодотворны.

История развития познания, считает Александр Койре, суть скачкообразная смена типов мышления, своеобразных мутаций человеческого интеллекта, коренных перестроек оснований мышления, в чем-то подобных катаклизмам Кювье. Анри Пуанкаре в «Ценности науки» приводит близкую аналогию: развитие знания, духа человеческого сродни эволюции зоологических типов: они развиваются или скачкообразно меняются, становясь неузнаваемыми, но в них четко просматриваются следы работы предшествовавших веков.

Эволюция духа ведет к выживанию идей и концепций, которые лучше других отражают реальность и адаптируются к требованиям времени. Согласно Стивену Тулмину, возникновение новых идей, любые инно-

вазии — «ответ» данной «концептуальной популяции» на изменившиеся требования интеллектуальной или духовной среды.

Я ввел понятия «эволюция души» и «новое сознание»¹, главным образом, как антонимы однозначности, застоя, дремучести, консервации старого. Новое сознание — это непрерывное творчество Духа, открывающее не физические законы, а *иные миры*, ведущее к духовному очищению и катарсису личности, к ее единению с Высшим, к обретению Бога в недрах собственного «Я».

Наше понимание мира парадигмально, то есть подвижно, изменчиво, эволюционно, скачкообразно. Парадигма — это абсолютный сдвиг в восприятии. Новая парадигма как бы разрушает старое видение, создавая на его развалинах новую культуру. Каждая парадигма формирует свой собственный мир, в котором действуют ее сторонники. Смена парадигм — смена миров. Не факты и наблюдения организуют мир, но — идеи, от которых существенным образом зависят получаемые факты.

Божественный мир так устроен, что день за днем, шаг за шагом, идея за идеей раскрывается перед нашим изумленным взором, и наша духовность — так же, как наши божественность и человечность — способна развиваться лишь путем непрерывного творчества, пересмотра, углубления, пролиферации, отказа от ветхо- и новозаветных догм и заблуждений.

В конце концов, научные модели и теории отличаются от теологических лишь большей смелостью и логичностью. А по фанатастичности наука уже давно конкурирует с мифологией. Коль на то пошло, то самообман является не только движущей силой религии, но и науки. Кстати, наука вполне может состязаться с религией по части сокрытия огромного пласта **экспериментальных фактов**, не вписывающихся в ее доктрины.

Даже твердыня науки на поверку оказывается не просто шаткой, но постоянно сотрясаемой, изменяемой, развиваемой, требующей смены не только альтернативных теорий, но и характера мышления. Более того, исследования в области теории систем и формальной логики² ставят под сомнение возможность рационального или однозначного объяснения всех процессов в мире — я уж не говорю о более глубоких реальностях, все еще находящихся вне методологии современной науки. Свидетельствует Илья Пригожин:

¹ См. книгу И. И. Гарина «Эволюция души: новое сознание». В печати.

² См. книгу Р. Пенроуа «Новый ум короля» (М.: Эдиториал, 2003) и теорему К. Гёделя о неполноте.

Наука парадигмальна, и ее движущей силой является преодоление консерватизма. Применение к природе одних и тех же методов и идей неизбежно кончается поражением: рано или поздно природа отказывается изъясняться на языке, предусмотренном данной парадигмой; кризис разражается с тем большей силой, чем более слепым было доверие к применяемому методу. Тогда все интеллектуальные силы бросают на поиски нового языка, чтобы исследовать тот «пучок» проблем, который объявляется решающим, поскольку он исходит как бы от самой природы.

Согласно Полу Фейерабенду, познание — это взаимодействие устойчивости и изменчивости: устойчивость гарантирует наследование традиций, изменчивость вводит в оборот новые идеи. Альтернативы, постоянная критика, новое мышление постоянно меняют содержание знания, «делают слабое сильным», как говорили софисты, и благодаря этому поддерживают движение целого. Выражением плюрализма науки является фейерабендовский принцип пролиферации, стимулирующий конкуренцию идей и обеспечивающий быстрый прогресс знания. Чем больше конкурирующих теорий, тем выше качество науки. Свобода и конкуренция позволяют реализовать весь континуум индивидуальных различий, склонностей, вкусов, мнений, видений, складов ума, мировоззрений ученых, раскрывающих свои внутренние потенции.

Кстати, в отсутствии конкуренции знания сама наука вполне способна привести к пародии на саму себя, что особенно часто происходило в СССР, когда искоренялись не только генетика и кибернетика, но даже квантовая механика и теория относительности, я уж не говорю о перманентных фальсификациях истории. О тенденциозности тоталитарной науки свидетельствует тот факт, что материалисты и марксисты ставили под сомнение даже факт исторического существования Иисуса Христа¹ — это-то при наличии 25 000 древних списков евангелий и множества других исторических свидетельств. При этом евангелисты Матфей и Иоанн были непосредственными очевидцами и участниками описываемых событий, а Марк был секретарем очевидца и даже, возможно, писал под его диктовку. Достоверность описываемых событий подтверждается сведениями, которые мы можем найти у древнеримских историков — Тацита, Цельса, Плиния Младшего и Светония.

¹ Историчность Иисуса отрицали Р. Ю. Виппер, С. И. Ковалев, Я. А. Ленцман, И. А. Крывелев и многие другие.

Альфреду Уайтхеду принадлежит замечательная мысль, что «столкновение теорий — не бедствие, а благо, ибо открывает новые перспективы». Без разногласий невозможен рост знания. Столкновение теорий необходимо, ибо новое знание, как правило, возникает именно в процессе такого столкновения. «Столкновение теорий, конфликт между бытием и становлением свидетельствуют о том, что новый поворотный пункт уже достигнут и возникла настоятельная необходимость в новом синтезе».

Спор Альберта Эйнштейна и Нильса Бора, дискуссия Анри Пуанкаре и Бертрана Рассела, как бы ни оценивать позиции сторон, стимулировали развитие физики и философии. Ныне мы являемся свидетелями переоткрытия времени, рождения новой парадигмы, возникающей из столкновения двух разных миров — динамики и термодинамики, обратимости и необратимости, порядка и хаоса, квантовости и классичности, необходимости и случайности. Всё, что долгое время считалось несовместимыми противоположностями, оказывается лишь элементами всеобщности, взаимно дополняющими друг друга.

Конкуренция есть движущая сила эволюции, мира — в такой же степени, как знания о нем. Мы живем не в замкнутой системе, но в системе *открытой*, постоянно обменивающейся энергией, веществом и информацией с окружающей средой. Открытый характер подавляющего большинства существующих систем (материальных, биологических, социальных, духовных) ведет к тому, что в мире господствуют не порядок, равновесие и стабильность, но неустойчивость, неравновесность и эволюционность.

Облики мира, как облака,
тихо уплыли.
Всё, что вершится, уводит века
в древние были.

«Какое отношение имеет всё сказанное к тематике этой книги?» — недоуменно спросит читатель. Прямое и непосредственное! Слышу возражение: религия — не наука, к ней неприменимы идеи развития знания, ее просто невозможно выстроить без догмата, канона, Священного Писания, Божьего Слова. Она — плод Откровения, Прозрения, Богообщения, Таинства, Завета...

Оппонирую: да, догмат, канон, Священное Писание, Откровение, Прозрение, Богообщение, Таинство, Завет, Божье Слово необходимы, особенно на ранней стадии развития религии, но они необходимы не как сред-

ства консервации или мумификации веры, но исключительно — как божественный толчок, как импульс для развития, совершенствования, духовного развития, творческой эволюции. Нисколько не отрицая консерватизма религии и церкви, призывающих к осторожности перед неконтролируемым и непредсказуемым ростом, я бы не привязывал «вечность» или «вечные ценности» к единственному институту — тем более что эволюция всегда берет верх над стагнацией. В этом отношении всё относящееся к знанию применимо к вере и религии — тем более что в основе самого знания тоже лежит вера, и инакомыслие здесь необходимо для обновления, развития, выживания, сохранения: «Ибо надлежит быть и разномыслиям между вами, дабы открылись между вами искусные» (1 Кор. 11:19).

Александр Мень даже атеизм называл даром Господним для церкви, ибо атеизм — величайшая, исцеляющая, оздоравливающая сила, позволяющая религии развиваться, эволюционировать, а не впадать в стагнацию. Атеизм, ереси, разномыслие так же необходимы для выживания, как микробы и вирусы — для укрепления жизни.

Я убежден в том, что можно обрести Бога, но не истину, потому что истина — вечный поиск, который не кончается никогда. Я не агностик и не считаю, что истину следует искать в узком коридоре между верой и неверием, но лучше ее все же искать, чем обрести с целью борьбы со всеми «неверными», «неправедными», «неистинными».

К религии вполне применимо дарвиновское понятие «естественного отбора», необходимого для адаптации доктрины к изменяющимся внешним условиям жизни и культуры. В книге «От текста к традиции» Лоуренс Шиффман внимательно проследил, как такой отбор и такое приспособление проходили в иудаизме при его соприкосновении с другими религиями и культурами. Только способность к адаптации, развитию, эволюции делает религию устойчивой, способной противостоять выветриванию времени.

Доктринальность не должна препятствовать реформируемости. Способность к последней фактически определяет *выживаемость* религии, и в этом отношении весьма показательна ситуация с древнейшей из них — я снова имею в виду иудаизм. В иудаизме давно произошел поворот от того, что именуют «иудаизмом Библии», к тому, что известно как раввинистический иудаизм (иудаизм Талмуда), который, в свою очередь, претерпел несколько периодов своего развития (персидский, эллинистический, римский, средневековый, современный). Я уже не говорю о модернистских его версиях, развиваемых как в Израиле, так и в США.

По словам самих евреев, «в случае с иудаизмом стагнация привела бы к сравнительно быстрой его гибели». И еще: «Лишенная интерпретации и других технических приемов... традиция замерла бы на том или ином своем этапе».

Главная причина неприятия Иисуса иудаизмом связана именно с монотеизмом — надмирностью и запредельностью единого Бога. Для мудрецов Торы и Талмуда фраза «Слушай Израиль, Господь наш Бог, Господь один» (Втор. 6:4), среди прочего, означала, что ни один иудейский пророк, даже несущий искру Божию, не может подняться выше статуса смертного человека. Это прекрасно понимал сам Иисус, но полностью игнорировали «создатели нового Бога».

Приведу свидетельство историка о важности плюрализма и духовной преемственности в истории развития религии евреев:

Основополагающим для любого исследования истории иудаизма в эпоху поздней античности является вопрос о том, как понимать разнообразие его подходов и проявлений, существовавших в то время. История иудаизма наглядно показывает, как последовательно развивавшиеся, так и одновременно существовавшие направления мысли среди различных еврейских групп, каждая из которых предлагала свой ответ на главные вопросы о Боге, человеке и мире.

...Можно рассматривать различные проявления иудаизма как постоянно и активно взаимодействующие друг с другом. В этом случае они должны изучаться в контексте друг друга, а также в контексте предшествующих и последующих проявлений. Только так возможно увидеть постоянное взаимовлияние между подходами, а также понять, какое наследие каждый период и каждый подход оставили последующим поколениям¹.

В отличие от христиан, евреи не только никогда не отреклись от новых исторических документов, найденных в Кумране, Масаде, Наг-Хаммади и других местах, но считали их настоящими сокровищами, во многом «проясняющими историю библейского текста»: «По мере публикаций оставшихся текстов Мертвого моря можно ожидать, что они станут играть все возрастающую роль в воссоздании иудаизма эпохи Второго Храма» (Лоуренс Шиффман).

В отличие от евреев, христиане выстраивали церковную доктрину не на синтезе и плюрализме, а на разделении «свои-чужие» и гонениях

¹ См. книгу Л. Шиффмана «От текста к традиции...» (М.: Мосты культуры, 2002).

на еретиков. Каждый раз, когда возникала опасность радикального преобразования церкви, последняя давала неверный ответ на исторический вызов — отвечала всплеском репрессий и фундаментализма. Как всегда случается в подобных случаях, многие еретические движения, такие как гностицизм, арианство, монтанизм, донатизм, филетизм, несторианство, монофизитство, пелагианство, ересь жидовствующих, становились более глубокими, мудрыми, дальновидными по сравнению с доктринальным путем, который предпочли «отцы церкви». Я убежден в том, что если бы вместо уничтожения ересей христианская церковь впитывала многие «крамольные» идеи, она вполне могла бы избежать нынешнего упадка, вызванного твердолобостью, доктринальностью и обрядовостью.

Кстати о том, насколько миру полезнее развиваться, нежели консервироваться, молча свидетельствуют руины византийской, российской и советской империй. Современный тупик во многом обусловлен неправильными ответами «отцов церкви» на исторические вызовы и их неспособностью адекватно реагировать на вышеуказанные исторические находки, подтверждающие ошибки тоталитарного института папства.

Движущая сила духа человеческого — сомнение, и даже вера дана нам для того, чтобы в ней усомниться. Все «неприступные крепости» пали еще в Средневековье, а доживший до наших дней догматизм проявил свою несостоятельность не только в политике, но и в науке. Как писал Пол Фейерабенд, «единодушие годится для церкви и тирании, разнообразие идей — методология, необходимая для науки и философии». Но, как будет показано в этой книге, единодушие точит даже церковь и тиранию — в отсутствии оппозиции гибнут великие империи и самонизвергаются тысячелетние религиозные доктрины и институты.

Присвоение церковью «права на истину» всегда чревато тоталитаризмом. Сознание христиан, что они обладают «истиной» и «правоверием», сделало их нетерпимыми. Уже Блаженный Августин учил, что еретиков должно вернуть к учению церкви силою. А слияние христианской церкви с государством усугубило ее тоталитарные поползновения, оказав пагубное, губительное влияние на церковь.

Запрещать инакомыслие и изводить еретиков — задача элементарная, но ее «окончательным решением» всегда является исчезновение запретителей, происходящее одинаково и как бы само собой...

Нет более надежного средства сохраниться в истории, чем правильные ответы на ее вызовы, а правильные ответы дают не догматики-за-

претители, а реформаторы-неофилы: здания, которые не реставрируют, рано или поздно подвержены разрушению. Никакая охрана — даже таблички «памятник архитектуры» — не спасает от обрушения самые прочные сооружения, когда-либо возведенные человеком. Пирамиды — и те выветриваются под действием факторов времени...

История — наиболее яркая свидетельница гибели цивилизаций, государств и народов, застывших в своем развитии. От Арнольда Тойнби мы знаем, что с древности до наших дней сохранилось только 5 государств (Китай, Индия, Персия, Греция и Израиль) — все остальные исчезли, оставив только черепки и прах. И произошло это по одной и той же причине: когда слишком рьяно охраняют «древнее благочестие» — так я образно называю человеческую дремучесть, — старое в прямом смысле слова берет верх над новым и не дает возможности молодым побегам сохранить лес.

В своих книгах я пытаюсь пропагандировать «новое сознание», потому что охранительство разрушительно не только для государств и народов, но и для идеологий, религий, даже культуры и науки. Народы, слишком рьяно охраняющие «наследие отцов», в лучшем случае остаются в первобытном состоянии — я удостоверяю это, побывав в первобытных племенах Африки, Австралии, Океании и Амазонии.

Нет, я не отрицаю необходимость культурного наследования — я предостерегаю от упадка, вызванного консервацией «старины глубокой», в равной мере — «незыблемых» и устаревших идей и их носителей геронтоманов.

Обратите внимание: даже крушение коммунизма, даже падение Российской империи не защищает от макашевых, варенниковых, зюгановых, прохановых и путинных, но будущее все же не за ними, а за Владимиром Соловьевым, Сергеем Булгаковым, Николаем Бердяевым, Львом Шестовым, Михаилом Бахтиным, Юрием Лотманом, Мерабом Мамардашвили...

Согласно К. Э. Мейнике, история государств и народов — это история их верований. Это означает, что реалии истории отражают правильность или ошибочность верований народов: именно оттого одни государства и народы процветают, а другие клонятся к упадку и исчезают с исторической арены. Сказанное в полной мере относится к религиям и церквам.

Борьба с еретиками в собственных рядах, выискивание инакомыслящих, болезненная сверхчувствительность к критике, защита устарелых догм, террористы-самоубийцы, взрывы 11 сентября в Нью-Йорке, «поро-

ховой заговор»¹, израильско-палестинские войны, истребление сербов, хорватов, мусульман, повсеместные преследования евреев, североирландский конфликт, тоталитарные секты — далеко не полный перечень примеров религиозного фанатизма, ведущего к закату церквей и религий, к патологической вере и теологии.

Подобно тому, как неправильные ответы правящей элиты на вызовы истории содействуют брейкдауну (падению) государств, судьбы всех церквей определяются их способностью к радикальному реформированию. Отмирание язычества, закат орфизма, зороастризма, сабеизма, тенкуо, као даи, местных религиозных течений, карго-культов тихоокеанской Меланезии и Новой Гвинеи², падение влияния других церквей и религиозных конфессий связаны с их неадекватностью ситуации, нерформируемостью, привязанностью к умершим мифам.

Легенды и мифы восходящего христианства не действуют на его закате, кажутся несусветными анахронизмами. Есть такое выражение: «Несчастливые, они этому верят». Но если на восходе христианства у несчастных действительно были основания верить в сказки, то нынешний клир не осознает, что в XXI веке уже невозможно мыслить категориями императора Константина, Крестовых походов, инквизиции и «ловить челоуеков» на мифы начала эры.

Религия, паразитирующая на страхе, наказании, аде, гиенне огненной, воскрешении, втором пришествии, опасна и разрушительна. Она подрывает сознание верующих. Мстящий и карающий Бог — это религиозный абсурд, творящий Бога по образу и подобию племенного вождя, судьи или палача. У такой религии только два выхода — отречение от первобытного бесовства, царящего в душах духовников, или погибель.

Я не могу предсказать время падения тех или иных конфессий, но без радикального обновления, без нового лютеранства, без раскаяния за ошибки прошлого их брейкдаун неизбежен. Даже у тысячелетних церквей есть только один путь сохранения — адекватные ответы на вызовы времени. Христианство хранят и укрепляют положенные в его основу идеи любви и прощения, но разрушают лежащие в основании церкви фальсификации «святых отцов» — доктрин непорочного зача-

¹ *Пороховой заговор* — неудачная попытка группы английских католиков взорвать здание парламента с целью уничтожения симпатизировавшего протестантам короля Якова (1605).

² Здесь автор имеет в виду возникшие и исчезнувшие в наши дни мессианские культы дикарей, обожествивших мифологизированного главаря белых пришельцев.

тия, божественной природы Христа, боговоплощения, Троицы, вознесения и возвращения, апокалипсиса, мстящего, карающего, кровожадного Бога, еще — феномены еретичества, допотопных церковных обрядов и таинств, языческого сонма бесов, ангелов и святых. Вера в непорочное зачатие, воскрешение, проделки сатаны или апостольские фокусы-чудеса кажется мне такой же примитивной и жалкой, как иудейская вера в первородный грех, «ошибку творения» или Бога-мстителя, мало совместимые со всемогуществом или благостью Творца.

В будущее нельзя войти с обремененным ошибками прошлым — еще никому и никогда не удавалось! Отцы всех христианских конфессий и даже наиболее продвинутого среди них протестантизма разрушают здание своих церквей собственной дремучестью, нежеланием обновления, в частности, реакционностью православия, в XXI веке разговаривающего с паствой на языке Аввакума. Увы, если религия или религиозная идеология приходят к власти, она неизбежно превращается в тормоз.

Подобно тому как правители разрушают страну имперскими замашками, евроазиатством, «вертикалью власти», психологией «Старшего брата», отцы православия при кажущемся возрождении русской церкви, загоняют ее болезни вглубь, а это никогда и никого не вело к выздоровлению.

Я убежден в том, что для многих церквей мира, особенно христианской и исламской, проблема стоит таким образом: кардинальная реформация и отказ от «дремучести» — гарантия сохранения и даже процветания, или стремление удержать статус кво со всеми фальшивками и подделками — гарантия брейкдауна¹.

Здесь важна и принципиальна трагедия Исаака Ньютона, глубоко знавшего церковную историю и понимавшего разрушительность для церкви безнадежно устаревших доктринальных догм. Душевная жизнь Ньютона была исковеркана его глубинным «еретичеством» — пониманием порочности религиозных фальсификаций в период формирования институализированной церкви в III—IV вв. Не случайно «отец науки» коллекционировал сведения о зверствах христиан — видимо, получал удовлетворение от констатации того, к чему ведет дьявольство отказа от заветов Христа. Слава Богу, те времена прошли, но не прошло непонимание «отцами» нынешних церквей движения жизни к новым идеям и формам. Если «отцы церкви» рано или поздно не отвергнут фальшивки

¹ Под фальсификациями христианства я понимаю многочисленные подделки христианских святынь в эпоху первых соборов раннего Средневековья, разоблаченные еще Исааком Ньютоном. См. книгу И. И. Гарина «Ньютон» (К.; 2008).

и «деяния» своих предшественников, разрушение христианских и исламских церквей станет исключительно делом времени, причем не столь отдаленного. Не спасут ни конформизм, ни вечный сон, ни невежество человеческих масс.

Религия несоизмерима с наукой, но они взаимодополнительны. Конфликт между ними непродуктивен и опасен. Обострение отношений между ними является проявлением дремучести и невежества: «опровержения» ученых в этом отношении ничем не отличаются от «доказательств бытия Божьего» теологов.

В этом месте уместно процитировать финальную мысль главного труда Исаака Ньютона «Математические начала натуральной философии»: «Такое изящнейшее соединение Солнца, планет и комет не могло произойти иначе, как по намерению и по власти могущественнейшего и премудрого существа. Если и неподвижные звезды представляют центры подобных же систем, то все они, будучи построены по одинаковому намерению, подчинены власти *Единого*».

Примером новейшего «научного» обоснования тринитаризма является эссе П. Я. Сергиенко «Символ Святой Троицы и применение его принципов в познании природы общества и мышления», ярко демонстрирующее только одно: если есть вера, то любые ее обоснования всегда найдутся, будь то гегелевская диалектика, синтетическая геометрия триалектики, системная триада, тринитарный архетип единства, геометрическая модель логического триединства, обрядовое и т. д. Короче, вечный, великий и «незаменимый» принцип словоблудия...

В повседневной жизни на каждом шагу вы сталкиваетесь с ошибочными мнениями, базирующимися на превратной вере — от мелочей жизни до мировоззрения как такового. Я сам иногда ловлю себя на том, что *восполняю дефицит информации и знаний верой*, делая ошибочные заключения или впадая в состояние фанатизма, трактующего мир в свете безосновательных убеждений. Почти все идеологии — разновидности опасных вер, принимаемых за истины. Увы, слишком часто вера замещает дефицит и глубину понимания, подменяя реальность химерами, мифами и утопиями. Всё это, так сказать, негативы верований утопистов, экстремистов и фанатиков.

Как писал Карл Барт, религия переживается во времени, а откровение происходит в точке. Поэтому богоявление не может быть «историческим» — оно всегда носит профетический, пророческий характер. Когда вместо самостоятельного строительства индивидуальности (А. Я. Гуре-

вич) — стадо, а вместо благодати — «две бездны рядом» (Ф. М. Достоевский), трудно говорить о богоявлении, пророчестве, движении к Богу. В сущности религии лежит огромный разрыв между Богом и человечеством, ибо познают Его не массы, а просветленные. Во втором послании Павла к Коринфянам по этому поводу сказано: «Потому отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем». Свидетельствует Рудольф Бультман:

Я избегаю всякой встречи с историческими явлениями, в том числе и встречи с Христом во плоти, и обращаюсь к единственной встрече с возвещаемым Христом, а Он встречает меня в керигме, которая застаёт меня в моей исторической ситуации.

Хотя номинально Запад считается христианским, на практике им управляет нечестивый триумvirат — бог богатства Плутон, бог науки Аполлон и бог воров Меркурий. Дело осложняется раздорами и завистью: Меркурий и Плутон поносят друг друга, Аполлон потрясает атомной бомбой, словно молнией громовержца; с тех пор как философы XVIII века провозгласили Век Разума, он воссел на трон Зевса (временно недееспособного) в качестве регента этого триумvirата¹.

Увы, сплошь и рядом многие люди выстраивают жизнь на превратной вере. Да и любая жизнь во многом есть деяние веры. Поэтому качество жизни во многом определяется качеством и действенностью веры, которую мы выбираем. Как тут не вспомнить слов Христа, говорящего: «Не всякий говорящий Мне: “Господи! Господи!” войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего небесного»? (Мф. 7:21; Лк. 6:46).

Позитивная вера в возможность единения с Бесконечным согревает жизнь. Утрата божественного светоча веры равноценна утрате человеком самого себя — ни философия, ни наука, ни утопия, ни «светлые идеалы» не компенсируют защитную функцию позитивной веры.

Увы, церковь до сих пор не осознает того, что пришли новые времена, радикально меняющее сознание людей, что на прихожан их церковью буквально обрушивается огромный поток информации, связанной с открытием новых документов, с важными и многочисленными текстологическими открытиями и ростом интереса неофилов не к каноническому, а к «историческому Христу». Историки, занимающиеся ранним христианством, такие как Элейн Пейджелс, Раймонд Е. Браун, Сюзан Хаскинс, Рамон К. Джусино, Клаудиа Сетзер, рисуют совсем иную картину новозаветных событий.

¹ Скрытое цитирование «Белой богини» Р. Грейвса.

Лишь самые продвинутые христианские общины адекватно относятся к изменившейся ситуации — создают специальные исследовательские группы для изучения новых документов, тогда как официальная церковь с привычной двухтысячелетней твердолобостью объявляет ересью то, что могло бы лечь в основу ее реформации и обновления.

Я потому принимаю протестантизм в целом и кальвинизм в частности, что Реформация стала своеобразным возрождением, возвращением к первоосновам христианства. Мартин Лютер пытался воссоздать учение Иисуса Христа в его простом изначальном облике, не замутненном последующими историческими наслоениями и деформациями. В протестантизме христианин по набожности или по наследству превращался в христианина по убеждению. Противопоставление веры и обряда, учения Христа и практики церкви явилось реакцией на деградацию церкви. Ученые говорят, чтобы сдвинуть с места мир, нужно искать точку опоры вне его. По отношению к религии дело может обстоять иначе. Нужно пребывать в ней и притом в самой глубокой вере, чтобы пересмотреть негативы церкви и изменить основы веры. Это преобразование и обновление религиозного сознания есть реформация в церковном смысле. Неслучайно революция веры некогда началась в сознании монаха.

Осуждению со стороны реформатора подвергалась средневековая культура и особенно схоластика, именно потому, что была живым воплощением, уже едва ли не синонимом ее. Можно сказать, что она стала объектом критики не в меньшей степени, чем практика и догматика католической церкви. Жан Кальвин стремился доказать, что католическая церковь искажила заветы Христа. Он обвинял ее в кошунстве, поскольку она заменила единого посредника между Богом и людьми целым сонмом святых. Наконец, он обвинял ее в идолопоклонстве, так как она вместо поклонения Богу стала поклоняться реликвиям святых.

Принципиальный вопрос: как совместима констатация заката величайшей духовной культуры, созданной человечеством, с совокупной человеческой мудростью о необходимости позитивного мироощущения? Человеческая история является развернутым свидетельством того, что упадок — необходимый этап в перманентной тенденции роста. Эволюция — процесс перманентного восхождения посредством прощания с отжившим. В своих книгах я концентрируюсь на настоящем и будущем, а не на прошлом, потому что верю в духовный рост, в эволюцию души, в новое сознание. И если порой приходится анализировать негативные тенденции культуры, то исключительно ради

их изживания. В этой книге я просто предупреждаю о сегодняшних проблемах и утратах христианства, чтобы хоть как-то приостановить дальнейший упадок.

У культуры и религии нет альтернатив, кроме духовного восхождения, а духовное восхождение невозможно путем затягивания прошлого в будущее. Я не сомневаюсь в том, что Бог — в нас, а это автоматически означает, как минимум, творческую эволюцию человека.

Говоря о христианстве, важно разделять идеи и поступки самого Иисуса Христа от интерпретаций и действий тех, кто именуется его последователями. Слишком часто второе исключает или перечеркивает первое. Увы, мало что в мире искажалось в такой степени, как реалии Христа.

Как культуролог, я считаю своим долгом и обязанностью поддержать христианскую культуру на трудном этапе ее развития предупреждением о грозящих ей опасностях. Ведь всегда есть альтернатива: негативная — последовать по пути заката и уйти в небытие, и позитивная — прислушаться к критике и возродиться. Я уверен в торжестве Иисуса Христа, потому что ему удалось на несколько тысячелетий опередить духовное развитие человечества — и тем горше сознавать упадок и ошибки христианской церкви.

О РЕЛИГИИ

Должен существовать потусторонний мир, для того, чтобы был выносим мир посюсторонний.

М. Хайдеггер

Времена простого неверия так же мертвы, как времена простой веры.

Л. К. Стейплз

Как наиболее плюралистическая из человеческих институций, религия имеет наибольшее количество определений: от рациональных — «религия учреждается мудрыми законодателями в интересах общественного блага» или «религия суть коллективное бессознательное» — до мистических, эзотерических или эстетических. Такое многообразие естественно, ибо религия пронизывает все сферы жизни.

Религия — множественна: каждый — сознательно или бессознательно — творит Бога сам. Скажи мне, кто твой Бог, и я скажу, кто ты. Как только не обретают Бога: рвением, нирваной, самоистязанием, трудом, покорностью, насилием, преследованием еретиков, благодатью, молчанием, распятием, наукой, искусством, атеизмом... Способов добыть Бога бесконечное множество, пределов выбору — нет!

«Религия есть такое мышление о мире и такое мироощущение, которое психологически разрешает контраст (лучше сказать — конфликт) между законами жизни и законами природы».

Сёрен Киркегор: «Лишь религиозное может при помощи вечного довести до конца человеческое равенство: человечность; богоугодное, существенное, немирское, подлинное, единственно возможное равенство — да будет в том его величие — религиозно, оно и есть истинная человечность».

Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской): «В отличие от животных, человек свои высшие ценности удостоверяет не чувствами тела, а жизнью духа — верой».

Религия — это порыв человеческого духа к вечности и бесконечности, к непреходящим ценностям. Здесь поток идет свыше, с неба. По словам отца Александра Меня, религия является формой культивации божественного дара нашей духовности. Древний завет между Богом и человеком построен на вере-доверии Авраама: «Да, я принимаю и внимаю». Религия, вера — это доверие к бытию, целостное его принятие, осознание правильности мироустройства, причем основанием религиозной веры человека может быть исключительно персональный духовный опыт, но никак не церковь, соборность или наследство.

Религия — поток вдохновения, плодотворная и животворящая сила. Достаточно одного того, сколько произведений искусства создано религиозным подъемом, чтобы оправдать религиозность. Религия — основа и стержень культуры: нет религии, нет культуры. Сам мировой процесс религиозен, с религиозным чувством должно его принимать и наблюдать, участвовать в нем своим трудом. Для огромного количества людей Бог — последняя надежда и мощный оплот в жизни. Трудно чем-либо заменить такие функции религии, как утешение, бессмертие души, религиозное вдохновение, спасение, духовная защита.

Без Бога Мир так же пуст, как человек без души. Божественное, священное необходимо человеку для того, чтобы не возвратиться в пещеры. Доказательства бытия Божьего изжили себя, потому что вера зиждется на интуиции, а не на расчете. Для меня духовное начало мира доминирует над материальным, а Бог существует, потому что размышления и интуиции о Нем лежат в основе духовной культуры человечества и неизменно сопряжены с высоким духовным напряжением. Вот почему мне по душе мысль Джона Темплтона: «Я верю в действующую силу Бога, которая удерживает на своем месте каждый атом Вселенной, — в Любовь!»

Для меня Бог — не просто источник духовности или любви, но то великое, во что превращается наше сознание, выходя за пределы нашего понимания. Для меня Бог — это главный ответ на вопрос Мартина Риза «Почему всё вообще существует?»

Вера, религия должна быть продуктивной, то есть, по словам И. А. Ильина, — «одухотворять, очищать, укреплять, растить, углублять и образовывать духовный опыт». Ильин считал, что вера принадлежит к самым глубоким, таинственным и духовно-драгоценным состояниям человека: «Это есть благодатное переживание великой душевно-художественной ценности и жизненной силы, которым надо дорожить, которое надо беречь и к которому не следует подходить, умничая и произволяя».

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
О религии	20
Немного об атеизме	45
Иисус Христос	48
Иисус Христос как явление Бога в человеке	91
О проблеме божественной тринитарности и «втором пришествии»	118
Библия	134
Евангелия	146
Библиотека Наг-Хаммади	155
Гностицизм	158
Евангелие от Фомы	166
Евангелие от Филиппа	170
Мария из Магдалы	174
Евангелие от Марии Магдалины	182
Иаков	187
Евангелие Иуды	193
Иоанн	198
Петр	203
Павел	207
Ранняя христианская церковь	213
Обожествление Иисуса Христа и канонизация евангелий	240

Средневековая церковь	259
Папство	274
Крестовые походы	292
Инквизиция	297
Православная инквизиция в России	314
Русская православная церковь	340
Критика христианства	373
Статистика упадка	388
Церковь	399